

УДК 81'373.611.161.1

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОИЗВОДНОГО ЭМОТИВНОГО СУБСТАНТИВА

Чепурина И. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского,
Симферополь*

В статье исследуется транспонирование в существительное и представление в языке понятия эмотивного действия-состояния. Выявляется осложнение производящей семантики в деривате различного рода дополнительными семами, вследствие чего эмотивное действие как субстанция представляется более конкретным, денотативным. Устанавливается, что отглагольный эмотив способен формировать более сложные структуры знаний, чем его мотиватор.

Ключевые слова: эмотивный дериват, синтаксическая и лексическая деривация, транспонирование, смысловая структура, синкретизм значений.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. Устойчивость интереса к словообразовательной семантике определяется тенденцией к исследованию словообразовательных явлений в аспекте системных отношений. Это находит свое выражение в изучении проблем мотивированности словообразовательных единиц, семантической соотносительности производных и производящих, словообразовательной синонимии и т. д.

Анализ публикаций. Наряду с исследованиями семантических взаимоотношений имен действия (Sv) и глагола (V), направленными на выявление грамматических признаков производящего в семантике производного (см. работы Е. С. Кубряковой, В. А. Кудрявцевой, В. Н. Хохлачёвой, Э. А. Шагинурова и др.) всё чаще предметом глубокого и всестороннего анализа становится лексический план соответствия V и Sv (см. работы Н. Д. Гариповой, Н. С. Дмитриевой, З. А. Монастыренко, Л. М. Новиковой и др.). В данном аспекте актуальным, на наш взгляд, представляется словообразовательно-ономасиологический аспект возникновения именных производных, появление так называемых лексических и синтаксических дериватов от глаголов с эмотивным значением.

Цель статьи – с опорой на словарные определения исследовать особенности смысловой структуры исходных значений отглагольных дериватов. По мнению Ю. Н. Караулова, семасиологические исследования допускают методическое понимание семантических признаков как компонентов, манифестируемых словарными дефинициями, словами и синтагмами [6, с. 185].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

35% отглагольных эмотивных существительных свойственны толкования по формуле синтаксических дериватов (моносемичным именам в качестве единственных, полисемичным – в качестве исходных). Такие девербативы представляют «чистые» синтаксические дериваты, или «чистые транспозиты» (термин Ш. Балли), семантика которых определяется как «действие (состояние) по значению глагола» и выявляет тождественность лексического значения значению мотивирующих глаголов. Как правило, это Sv на *-ние*, мотивированные глаголами состояния или отношения, имеющими значение несовершенного вида и следующие структурные особенности: беспрефиксные основы (*любование, хваление, трепетание, брюзжание, почитание* и др.); суффикс *-ствова-* (*бодрствование, раболепствование, чувствование*); суффиксы вторичной имперфективации (*высмеивание, подбадривание, подтрунивание* и др.). Такие имена способны сохранять признак длительности глаголов несовершенного вида. В то же время «чистые» синтаксические дериваты от эмотивных глаголов, предполагающих сему 'речь', 'звучание' или 'поведение', являются носителями и конкретных смыслов: в контексте они способны приобретать значение «выражение эмоционального состояния или отношения». В качестве денотата выступают определённые звуки, жесты или действия. Конкретные семы манифестируются формами множественного числа. Ср. высказывания типа *Сзади раздавались подбадривания (подтрунивания, брюзжания): Подбадривания старших не помогли смутившемуся подростку*. В таких употреблениях отглагольные имена характеризуются как дериваты лексические. Одна и та же основа может быть транспонирована в один и тот же класс знаков с разными семантическими последствиями.

80 имён существительных, что составляет 40% общего количества исследованных субстантивов, представляют лексико-синтаксические дериваты, или так называемые «осложнённые транспозиты». В исходном значении они определяются через синонимы, называющие сами чувства, эмотивные состояния и отношения. Это своеобразные абстрактные понятия, где значение отвлеченного действия-состояния неразрывно слито с его содержанием, что приводит к ослаблению процессной семы и придаёт дериватам бóльшую лексическую определённость. Возможно, это некогда вторичные значения, так как «...слово может утрачивать первичную семантику опредмеченного действия и восстановить её бывает довольно трудно, ибо модель на *-ние*, по свидетельству А. Мейе, сделавшего сопоставления по словарям различных славянских языков и пришедшего к выводу об общеславянском происхождении данных существительных, относится к числу древнейших» [11, с. 92]. Например: *раскаяться* «почувствовать сожаление по поводу своего поведения, признать его ошибочным или дурным» → *раскаяние* «сознание своей вины, сожаление о совершенном поступке» и др. В приведённых толкованиях процессуальная сема ослаблена, тогда как в «чистых» синтаксических дериватах она выступает в качестве родового компонента. Аналогичные отношения наблюдаются в следующих коррелятах: *смутить(ся)* → *смущение*, *изумить(ся)* → *изумление*, *огорчить(ся)* →

огорчение и др., а также практически во всех парах с субстантивами синонимичной словообразовательной структуры, которые в целом отличаются большей семантической определённой (ср.: *расстроиться* → *расстройство*, *надругаться* → *надругательство*, *пристраститься* → *пристрастие* и др.).

Лексическая определённость исследуемых транспозитов объясняется и спецификой обозначаемого действия (состояния).

1. У эмотивов состояния и отношения накоплен достаточно ощутимый «аспект временного ограничения предельности. ...Эти глаголы обозначают дискретные действия со структурной способностью привести к некоему результату, у них достаточно отчётлив аспект предельности» [13, с. 142–143]. Следствием этого является проявление в семантической структуре производного имени данной группы результативной семы. Так, субстантивы *изумление*, *огорчение*, *сострадание*, *негодование*, *отчаяние*, *восхищение*, *смущение*, *раскаяние* и др. могут обозначать высокую степень концентрации чувства, что позволяет классифицировать их как имена с непредметным результативным значением. Синкретизм значения процесса и результата выразительнее в префиксальных глаголах, поскольку префикс актуализирует в глаголе семантику предельности. Некоторое «количество» предельности влияет на транспонирование глагольной семантики в имя [13, с. 143–144].

Именам состояния и отношения, как префиксальным, так и беспрефиксным, свойственна конкретизация значения, что находит выражение в формах множественного числа. Ср.: *И вдруг жизнь встаёт в таком разрезе, что все твои ошибки, неудачи, **страдания** – это абсолютно необходимая цепь к тому пониманию времени, которое ты, оказываешься, обрёл* (Ф. Искандер), где *страдания* – это определённые составляющие жизненного опыта, пережитые события. *Сегодня, как в семнадцатом году, нас опять захлёстывают безумные надежды и угрюмые **разочарования*** (Ф. Искандер), где *разочарования* – конкретные негативные проявления современной действительности, а также события и происшествия, вызывающие состояние разочарования. Так, в текстовых условиях эмотивные существительные со значением состояния приобретают денотативную основу логико-предметного содержания. Конкретная семантика ряда таких субстантивов получает отражение в современных словарях: форма множественного числа подаётся как самостоятельная лексема, ср.: *терзаться* «испытывать сильные нравственные мучения; страдать» → *терзания* мн. «страдания, мучения»; *переживать* «перен. Испытывать какое-л. чувство – волнение, беспокойство и т. п. – в связи с чем-л., отзываясь на что-л.» → *переживания* мн. «впечатления, чувства, испытываемые, переживаемые кем-л.» [5].

По нашим наблюдениям, результативные смыслы свойственны также субстантивам от глаголов речевого эмоционального воздействия. Результативный компонент значения здесь является следствием глагольной потенциальной семы ‘цель высказывания’, которая выходит на первый план: данные единицы обозначают сознательные, целенаправленные действия, «цель которых состоит в том, чтобы нанести урон чьей-либо репутации, задеть человека, либо, напротив, возвысить его» [1, с. 164]. Поэтому производные делибераты часто совмещают

значение процесса и результата высказывания: *обида I* «оскорбление, огорчение, причинённое кому-л. несправедливо, незаслуженно; чувство, вызванное этим оскорблением, огорчением». См. также совмещение значения отдельного акта действия и его результата в существительных *насмешка I* «обидная шутка по поводу кого-, чего-л.»; *шутка I* «забавная, остроумная, весёлая проделка, выходка или острота»; *издевка* «язвительная злая насмешка; издевательство» и др.

Контекст часто актуализирует результативный смысл в отглагольных эмотивах, ср.: Люди моего возраста прибегают к открыткам чаще всего либо в минуту **полного отчаяния** в чужом для них месте, либо чтобы просто как-то убить время (*И. Бродский*) – *прилагательное-определитель «полного» подчеркивает концентрацию чувства*; Чёрт знает что!.. – растерянно улыбаясь, сказал Толик. – Мне разрешили выезд... Если это, конечно, не чья-то шутка... Но я записал телефоны, можно проверить (*Ф. Искандер*) – *производное имя выполняет отождествительную функцию, в него сводится предшествующая ситуация, что усиливает результативный компонент семантики*. Выход тут только один: **покаянное проклятие** того рокового стихотворения, но **проклятие**, тоже **зафиксированное** в поэтическом произведении (*Ф. Искандер*) – *результативная семантика актуализирована употреблением эмотивного субстантива как закрытой структуры, не нуждающейся в дополнении (ср. с первым употреблением – проклятие (чего?) стихотворения), а также распространителем «зафиксированное»*.

2. Результативный смысл регулярно совмещается со значением проявления эмоций. Например: *Через несколько времени **возбуждение** взяло верх, он (больной) вскочил с постели и по-прежнему забегал по больнице* (*Вс. Гаршин*) – *результативность семантики субстантива усилена элементами «через несколько времени» (течение действия) – «взяло верх» (результат)*. Использование же именной формы как средства предварительного обобщённого введения ситуации, раскрываемой в последующем фрагменте текста рядом глагольных форм «вскочил», «забегал», эксплицирует значение «проявление эмоционального состояния»; *Толик **задохнулся от возмущения**, пытался что-то сказать, но вместо слов из гортани его вырвалось какое-то бульканье* (*Л. Филатов*); *Начальник королевской охраны и свита **замерли от негодования*** (*Ф. Искандер*) – *имена «возмущение» и «негодование» обозначают концентрацию чувства, достигшую критического уровня, а основные предикаты «задохнулся», «замерли» – его крайнее проявление*.

Положение о неразрывной связи внутренних переживаний и внешних физиологических реакций, составляющих в совокупности целостный психический процесс эмоции и чувства, общеизвестно [12]. В этой связи А. Вежицкая предлагает дополнить толкование эмоциональных глаголов ещё одним компонентом: «(X чувствовал что-то) поэтому X делал что-то)» [4, с. 40]. Так, семантика глагола уже задаёт данный признак, поскольку «выражение» эмоции представляет одну из необходимых характеристик исследуемого денотата. Ряду дериватов свойственны исходные значения с ядерными компонентами ‘выражение эмоционального состояния или отношения’. В словаре конкретная семантика может манифестироваться формами множественного числа, что свидетельствует об изменении грамматической характеристики данных имён. Ср.: *почитать* «уважать

кого-л., что-л., относиться с почтением к кому-, чему-л.» → *почести* мн. «внешнее выражение уважения, почтения к кому-, чему-л., публичное признание чьих-л. заслуг» (*принять кого-л. с почестями*) [5].

Закономерно, что значение выражения эмоции проявляется особенно чётко в глаголах, содержащих семы 'речь' и 'звучание'. Как отмечалось, они предполагают компонент целенаправленности, намеренности. Способом же достижения цели является словесный акт. Ср. усиление предметности в семантике следующего ряда лексем: *глумление* «действие по значению глагола глумиться; издевательство, злая насмешка» (синкретичное значение действия и его выражения); *укор* «упрёк, порицание», *упрёк* «укоризна, обвинение, высказанное кому-л. или по отношению к кому-л.» (преобладание предметного значения); *ругань I* «оскорбительные, грубые слова, которыми ругают» (предметное значение).

3. Значительной степенью конкретизации отличаются дериваты, имеющие значение **причины** действия или **состояния**, названного мотивирующим глаголом. Ср.: *уморить I* «насмешить до изнеможения» → *умора* «о ком-, чём-л. крайне **смешном**» (*начать говорить всякую умору*). Чаще значение «предмет как источник действия» исследуемые субстантивы приобретают в определённых синтаксических условиях: *чтение стихов – упоение*; *погода здесь – одно расстройство (огорчение, наслаждение)*; *сегодня море просто восхищение (восторг)* и пр. Значение **причины** может быть актуализировано в форме множественного числа: *пережить много огорчений (страданий, опасений)*, т. е. событий или происшествий, вызвавших эти огорчения, страдания или опасения. Н. Д. Арутюнова замечает, что по отношению к глаголам психического **состояния** и эмоционального воздействия **причина** не может рассматриваться как нечто внешнее. Она составляет **одновременно** содержание и наполнение эмоций [1, с. 177–178].

Значение **причины** чувства и его проявления находит самостоятельное выражение в словообразовательных параллелях на уровне однокоренных адъективов, например, *возмутительный* «вызывающий недовольство, негодование, гнев» (*возмутительный поступок, поведение*), *удивительный* «выражающий удивление (*удивительный взгляд*) и т. д. «...Влияние глагола на формирование производных существительных и прилагательных довольно однотипно, связано с объективацией реальных отношений между действием и предметом. Эти отношения формируют и смысловую структуру отглагольных прилагательных, отражающих признаки этих предметов» [10, с. 67]. Так, логически обязательные значения результата как определённой степени концентрации чувства, причины и внешнего его проявления составляют содержание и наполнение эмоции. Это определяет специфику семантики исследуемых глаголов, проявлением которой является совмещение в смысловой структуре деривата разных по типу сем. Определённые синтаксические условия, отражающие закономерности сочетательных возможностей существительных, обуславливают реализацию указанных скрытых значений девербатива. Следовательно, в процессе словообразования эмотивного имени

возникает не просто новое слово для выполнения новых синтаксических функций старыми значениями, но и новое слово с новой смысловой структурой, передающей новое содержание [7, с. 74].

Противопоставление «чистой» и «осложнённой» транспозиции в ряде случаев усиливается невыраженными компонентами словообразовательного значения, которые характеризуют действие с качественной и количественной стороны. Так, в процессе наименования эмотивных действий-состояний может актуализироваться их количественная характеристика, интенсивность, продолжительность. Ср.: *раздразнить* «привести в состояние недовольства, досады, злости» → *раздражение* «чувство острого недовольства, досады, злости»; *пристраститься* «приобрести постоянный интерес к занятию чем-л.; приохотиться к чему-л.» → *пристрастие* «сильная склонность, влечение к чему-л.» и др. Компонент, указывающий на силу проявления эмоции, способен формировать самостоятельный ЛСВ со значением степени интенсивности как «конечный» этап семантического развития деривата. Ср.:

Таблица 1

<p>Ожесточить Сделать жестоким, безжалостным, озлобить // Вызвать внутреннее сопротивление, привести в раздражение.</p>	<p>Ожесточение 1. Действие к ожесточить – ожесточать и ожесточиться – ожесточаться. 2. Чувство ненависти, злобы, жестокости; ожесточённость. 3. Бóльшая сила проявления чего-л., крайнее напряжение, упорство.</p>
--	---

Данное значение потенциально свойственно и существительным *пристрастие*, *отчаяние*, *раздражение*, *надрыв*. Ср.: Он работал с таким *рвением*, что ...; он говорил с таким *отчаянием* (*раздражением*, *надрывом*), что..., где эмотивы состояния актуализируют признак интенсивности эмоции.

Так, обогащая семантические возможности отглагольных эмотивных существительных, транспозиция делает допустимым восприятие эмотивного действия, процесса или состояния как отдельного субъекта или объекта. Ср.: *И никогда на шёпот искушенья Не преклонился я, хоть я не трус* (Пушкин) – субстанциональное начало актуализировано персонификацией *чувства* (искушение шепчет); *И ведаю: мне будут наслажденья... порой опять гармонией уплюсь, над вымыслом слезами обольюсь* (Пушкин) – бытийный тип высказывания, при котором субъект «низведён» (обозначен зависимой позицией «мне») и отсутствует объектная определённость, актуализирует предметные смыслы и способствует восприятию «наслаждений» как отдельного объекта; – *О если бы! – воскликнул я мысленно, пытаюсь совладать с разочарованием* (И. Бродский) – эмотив воспринимается как самостоятельный объект, вступающий в определённые отношения с «я» рассказчика, что актуализировано основным предикатом «совладать».

В последующих выражениях названия эмоций выполняют функцию надтекстового обобщения, переводя ситуацию в общечеловеческий план. Это способствует «экстеоризации» (термин Н. Д. Арутюновой) названных состояний и представлению их как отдельных, самостоятельных объектов, своеобразных аналогов предметов в невидимом мире [8, с. 176]. Ср.: *Странное это ощущение – наблюдать деятельность, не имеющую денежного выражения: никак не оцениваемую. Похоже на некий тот свет, пре-мир, и, вероятно, именно эта потусторонность и составляет знаменитое «очарование» Востока для северного скряги* (И. Бродский). Так проявляется значение транспозиции эмотивных глаголов в функционировании языка, отмеченное у Ш. Балли: «...благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, а выражение обогащается и получает различные оттенки» [2, с. 143]. Возникая первоначально как синтаксический дериват, производный эмотив способен обрастать собственными коннотациями, вследствие чего сочетается с другими определителями, нежели соотносительный с ним глагол, например, *очарование* может оказаться «знаменитым», «монотонным», «дополнительным»; *разочарование* – «странным», «угрюмым»; *отчаяние* «историческим», «особым»; *наслаждение* – «таинственным»; *увеселения* «греховными»; *волнение* «трагикомическим»; *упоение* «безоглядным»; *вдохновение* «странным», *угрызения* «лингвистическими» и т. д. [примеры из произведений И. Бродского, Ф. Искандера, Л. Филатова]. Так, вступая в новые словосочетания, эмотивный дериват приобретает новые смысловые оттенки, отрывается от своего источника и начинает нуждаться в самостоятельной фиксации в словаре.

ВЫВОДЫ

Таким образом, синкретизм семантики мотивирующего глагола, диффузность его категориальных лексических сем (состояние, действие, воздействие, причина, проявление и т. д.) определяет диффузность семантической структуры имени существительного, в котором одновременно представлено процессуальное значение и само содержание эмоции. Оно неразрывно с «аспектом временного ограничения предельности» в семантике глагола, а также с такими характеристиками исследуемого понятия, как причина эмоции и её внешнее проявление. Наличие указанных дополнительных сем в производных эмотивах свидетельствует о том, что понятие эмотивного действия и состояния в языке не представлено автономно. Транспонируясь в имя, оно осложняется разного рода дополнительными семами. Эмоциональное действие и состояние, выраженное в языке как субстанция, более денотативно, более конкретно, чем выраженное глаголом.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 283 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / [под ред. С. А. Кузнецова]. – СПб. : Изд-во «Норинт», 2006.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000.
6. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1976. – 355 с.
7. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.
8. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М. : Наука, 1988.
9. Словарь русского языка : в 4-х тт. – М. : Рус. яз., 1981–1984.
10. Хамидуллина А. М. Характер глагольного действия и тип производной номинации / А. М. Хамидуллина // Исследования по семантике. – Уфа, 1990. – С. 61–69.
11. Шапошникова Л. В. Взаимодействие словообразовательной и лексической семантики в смысловой структуре отглагольных имён существительных на *-ние* / Л. В. Шапошникова // Семантические и словообразовательные отношения в лексике русского языка. – Куйбышев, 1981. – С. 88–94.
12. Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как форма отражения действительности / Г. Х. Шингаров. – М. : Наука, 1971. – 223 с.
13. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск : Изд-во Томск.ун-та, 1979. – 242 с.

THE SEMANTIC STRUCTURE OF THE DERIVATION EMOTIVE SUBSTANTIVE

Чепурина И. В.

The article examines the transposition into a noun and presentation in the language of the concept of emotive-action status. A complication of the producing semantics in the derivative of different kind with additional semes was revealed, as a result of which the emotive effect as a substance is more specific, denotative. It was founded that the verbal emotive is able to form more complex structures of knowledge than his motivator.

Key words: emotive derivative, syntactic and lexical derivation, transposition, meaning structure, syncretism of values.